

2017 Том 10 No. 54

Балашова Е.Ю. Культурно-исторические детерминанты старения: прошлое и настоящее

БАЛАШОВА Е.Ю. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СТАРЕНИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

English version: [Balashova E. Yu. Cultural-historical determinants of aging: past and present](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Научный центр психического здоровья, Москва, Россия

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

В предлагаемой вниманию читателей статье рассматривается проблема культурно-исторических детерминант старения, актуальная для психологии развития, клинической психологии, геронтологии и гериатрии. Проводится сравнительный анализ восприятия старости в разных культурах и в разные исторические периоды. Актуальность избранной темы связана с глобальными изменениями демографической ситуации и с необходимостью понимания тех многоуровневых и разнонаправленных перестроек, которые происходят с личностью, когнитивной сферой, поведением, социальной активностью и адаптацией стареющих людей. Объективировать ряд кросс-культурных и исторических различий в отношении к старости и старению позволяет обращение к пословицам, мифам, литературным произведениям, религии, гуманитарным и естественнонаучным концепциям разных стран и народов. В статье комментируются различные образы старости в русских и китайских пословицах, посвященные старости высказывания Конфуция, идеи буддизма и даосизма, взгляды на старость Платона, Аристотеля, Марка Туллия Цицерона, Луция Аннея Сенеки, писателей и поэтов Средневековья и эпохи Возрождения (Данте Алигьери, Ганса Сакса, Эразма Роттердамского, Франсуа Вийона и др.). Обсуждаются причины акцентирования пессимистических аспектов старости в русских народных пословицах, а также диспропорция во включении тематики старости и старения в контекст «смеховой» культуры в России и в странах Европы. Специальное внимание уделяется отражению старости и старения в русской литературе 19-го века (в произведениях А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, Ф.И.Тютчева). Автор подчеркивает, что сегодня, к сожалению, для многих пожилых и старых людей характерно недостаточное развитие рефлексии по поводу собственной жизни и личности; озабоченность скорее материальным благополучием и соматическим здоровьем, чем когнитивным развитием; убежденность в том, что ухудшение памяти и снижение ряда других психических функций является облигатным симптомом нормального старения. Делается вывод о необходимости целенаправленного формирования психологической культуры старения в современном обществе, позитивных представлений о старости как о важном этапе позднего онтогенеза.

Ключевые слова: культурно-исторические детерминанты, старение, старость, психология, философия

В работах многих зарубежных и отечественных ученых (Л.Леви-Брюля, Л.С.Выготского, А.Р.Лурии, М.Мид и других) одной из центральных является идея о детерминации особенностей психических

функций и поведения культурно-историческими условиями, характерными для той или иной эпохи и цивилизации [Леви-Брюль, 1994, 2014; Выготский, 1960; Выготский, Лурия, 1993; Мид, 1988]. Если раньше наибольший интерес в этом отношении представлял детский возраст, то сегодня, наряду с детством и отрочеством, внимание психологов, социологов, философов все больше привлекает период так называемого позднего оттогенеза, то есть старости и старения [Краснова, Лидерс, 2002; Стюарт-Гамильтон, 2010; и др.]. Это связано с глобальными изменениями демографической ситуации и с необходимостью понимания тех многоуровневых и разнонаправленных перестроек, которые происходят с личностью, когнитивной сферой, поведением, социальной активностью и адаптацией стареющих людей. У специалистов не вызывает сомнения, что качественные и динамические характеристики процесса старения детерминированы не только биологическими факторами (например, генетическими), но и факторами историческими и социокультурными.

Заметим, что в разные эпохи человеческой истории отношение к старости и старению всегда было сложным и противоречивым. По мнению ученых, на самых ранних этапах антропосоциогенеза, в эпоху зарождения искусства и религии, возникает мечта о продлении человеческой жизни и бессмертии. Исследователи палеопсихологии считают, что одной из важных особенностей становления человеческого общества (по сравнению с животными) была забота о стариках как хранителях социально-психологического опыта коллектива и источнике мудрости [Ташева, 1998]. Старейшины, выполнявшие функцию закрепления и передачи опыта и традиций, олицетворяли собой культ предков и пользовались огромным уважением. Во многих религиях (в частности, в иудейско-христианской традиции) бог-отец предстает перед верующими в образе мудрого старца. Вместе с тем в ряде других религий (вспомним античную Грецию и Рим) боги обладают вечной молодостью и бессмертием, а старение и смерть являются уделом обычных людей [Кун, 1954]. И в прошлые времена, и в современном общественном сознании сосуществовали и сосуществуют полярные психологические установки (от геронтофилических до геронтофобических) по отношению к старости и старению [Ташева, 1998]. Это означает, что в том, как протекает так называемый возраст инволюции, многое определяется тем, какая модель старения превалирует в общественном сознании. Важно также то, ощущает ли общество потребность в построении такой модели? Происходит ли ее осмысление на научном или обыденном уровнях?

Амбивалентность отношения к старости и старению в любом обществе выражается, в частности, в приписывании им как достоинств, так и недостатков. Но здесь важны пропорции. Что преобладает в оценочных суждениях – положительные или отрицательные мнения?

Старость в китайской и русской культуре: два очень разных Востока

На этот вопрос поможет ответить обращение к конкретным примерам. Так, сравнительный анализ русских и китайских пословиц обнаруживает разительный контраст в восприятии старости и старения. Большинство русских пословиц на эту тему крайне пессимистичны, в них отчетливо преобладает акцентирование негативных аспектов старости или конкурентных отношений между старыми и молодыми людьми [Даль, 2000; Берсеньева, 2010]. Любой читатель легко вспомнит пословицы типа «Старость – не радость», «Старость придет – веселье на ум не пойдет», «Придет старость – придет и слабость», «Старость не радость, не красные дни», «Старого учить, что мертвого лечить», «На седину бес падок», «Старость с добром не приходит», «На старого и немощи валятся», «Старой – голова с дырой», «Чем старше – тем дурнее», «Старым костям и на печи ухабы». Один мой коллега, развлекаясь этим невинным интеллектуальным упражнением, с гордостью сказал: «Старый конь борозды не испортит!» На что мгновенно последовала реплика оппонента: «Но поле вовремя не вспашет!» Одним словом, картина получается весьма печальная. Китайские пословицы создают совершенно иное по эмоциональной тональности впечатление. В них указания на негативные аспекты старости тоже иногда присутствуют, но доминируют позитивные, полные любви и уважения оценки достижений, опыта, мудрости старых людей, понимание нерасторжимой связи поколений. Вот несколько примеров: «Если старый человек не передаст свой опыт, молодой человек не будет опытен»; «Сердце старого дерева наполовину пустое, но старые люди свое дело знают»; «У старого дерева много корней, так и старые люди мудры»; «Если есть старый человек в доме, значит, в доме есть драгоценность»; «Не бойся долгого пути, бойся старого сердца»; «Старый человек сажает

деревья, в тени которых отдыхает молодой человек»; «Мудрость малолетнему недоступна» [Введенская, 1959, с. 211, 212, 199, 210; Сто жемчужин китайской мудрости, 2007, с. 105].

Необходимо понимать, что подобное выражение свойственного китайскому народу отношения к старости не ограничивается исключительно областью пословиц, поговорок, сказок, романов [Пу Сунлин, 1988; Цао Сюэцинь, 1995]. На протяжении тысячелетий в Китае старость и старение были значимыми поводами для гуманитарной (в первую очередь, философской) рефлексии. Напомним, что именно в древнем Китае была создана изумительная, не имеющая аналогов периодизация возрастного развития [Краснова, Лидерс, 2002]. В ней выделяются следующие этапы человеческой жизни: молодость (до 20 лет); возраст вступления в брак (до 30 лет); возраст выполнения общественных обязанностей (до 40 лет); познание собственных заблуждений (до 50 лет); последний период творческой жизни (до 60 лет); желанный возраст (до 70 лет); старость (от 70 лет). Она поражает тем, какое важное место уделяется в ней, выражаясь языком современной психологии, позднему онтогенезу, формированию в ходе жизни произвольной регуляции, критичности и контроля, социальных связей, прогрессу и развитию творческих способностей, необходимости позитивного эмоционального настроя. Появление такой периодизации означает, что образованные люди, составлявшие довольно значительный пласт древнего китайского общества, считали нужным задумываться о временной перспективе личностного развития, об этапах собственной жизни, о смысле этих этапов и их содержательном наполнении. Читатель, конечно, осведомлен, что большинство психологических возрастных периодизаций 20-го столетия заканчиваются в подростковом или юношеском возрасте (ярким исключением является только периодизация Э.Эриксона). Но вернемся в Китай. Интересно, что описанная выше периодизация была иногда доступна персональной модификации. Вспомним слова Конфуция: «В 15 лет у меня явилась охота к учению; в 30 лет я уже установился; в 40 лет у меня не было сомнений; в 50 лет я знал волю Неба; в 60 лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины; а в 70 лет я следовал влечениям своего сердца, не преходя должной меры» [Конфуций, 2004, с. 12]. Вообще идеи Конфуция оказали, по мнению специалистов, огромное влияние на формирование восприятия старости и старения, почтительного отношения общества к старым людям, к традициям. Приведу несколько цитат: «Служа родителям, следует осторожно увещевать их; если замечаешь, что они не слушают, увеличь почтительность, но не оставляй увещеваний; будут удручать тебя; не ропщи»; «Когда родители живы, не отлучайся далеко, а если отлучишься, то чтобы место пребывания непременно было известно» [Конфуций, 2004, с. 33]. Почтительность к старшим являлась, по мнению Конфуция и его последователей, обязательной не только для частных лиц, но и для государственных деятелей [Конфуций, 2004]. В традиционной японской культуре повиновение родителям всегда является определяющим фактором в самых сложных ситуациях морального выбора: вспомним, например, историю девы веселья Гио из японского эпоса 12-го века «Повесть о доме Тайра» [Повесть о доме Тайра, 1982]. Заметим попутно, что уважение, почитание старых людей (особенно долгожителей) свойственно многим культурам и этническим группам [Шахматов, 1996]. Тем не менее, анализируя недостатки, присущие разным возрастам, Конфуций в особых случаях предостерегает и людей преклонного возраста: «Следует избегать трех вещей: в юности, когда жизненная энергия в избытке, избегай чрезмерного увлечения девушками; в зрелом возрасте, когда здоровье еще крепко, избегай ненужного соперничества; в старости, когда силы ослабли, избегай скупости» [Конфуций, 2004, с. 146]. Это изречение наводит на мысль о том, что философский взгляд на старость и старение подразумевает обязательное нравственное совершенствование, соотнесение своих поступков и мыслей с моральными нормами даже в этот период жизни. Подобная идея звучит и в текстах старшего современника Конфуция и основателя даосизма Лао Цзы, писавшего о том, что быть спокойным, непринужденным и великодушным – это лекарство [Лао Цзы, 2014]. В канонических текстах другой великой религии – буддизма – мы также встречаемся с этой идеей. «Ветшают блистательные колесницы царей, также и тело приближается к старости. Но добродетель праведных никогда не стареет – праведные передают ее праведным» [Путь Будды, 2014, с. 113]. «Несведущий человек стареет, как вол, – растет его плоть, но не знание» [Путь Будды, 2014, с. 113]. Наконец, нельзя не упомянуть, что вопросы, связанные со старостью и старением, являются значимыми в Китае не только для философской мысли и обыденного сознания: в этой стране существует и особое, очень чтимое божество здоровья и долголетия, известное с глубокой древности. Это один из трех звездных старцев, обитающих на небе, в ковше Большой Медведицы – Шоусин. Он символизирует долгую и спокойную жизнь, а также счастливую старость в окружении детей и внуков, приносит здоровье, исцеление от тяжелых болезней, покровительствует больным и врачевателям.

Вероятно, подобное восприятие старости и старения может быть одной из причин того, что современные пожилые китайцы по ряду параметров стареют более успешно, чем их российские, европейские или американские сверстники. Это, прежде всего, касается двигательной активности, традиций проведения досуга, привычек, связанных с питанием, взглядов и установок относительно негативных изменений когнитивного функционирования (в частности, памяти) при старении. Так, сегодня общепринятым считается мнение, что ухудшение или даже потеря памяти – неизбежный спутник пожилого возраста. Тем не менее ряд авторитетных специалистов в области психологии старения утверждают, что в возрастном снижении памяти может играть роль существующая в обыденном сознании негативная установка: раз человек стареет, у него должна ухудшаться память; он всю свою жизнь словно бы готовится забывать в старости. У китайских долгожителей, в силу особенностей национальной культуры, такая установка отсутствует; многие из них (как и их более молодые соотечественники) убеждены, что с увеличением возраста обогащается запас знаний, опыт, мудрость, а это никак не «вписывается» в привычную картину общепринятых представлений о возрастном ухудшении памяти.

Проблема старости и старения в европейской истории: Античность, Средневековье, Возрождение

Если обратиться к развитию европейской культуры, то и здесь мы увидим ряд описанных выше тенденций. Это, прежде всего, потребность философского осмысления недостатков и достоинств, свойственных старости и старению. Размышления на эту тему содержатся в трудах Платона, Аристотеля, Лукреция Кара, Эпиктета, Цицерона, Сенеки, Марка Аврелия. Несмотря на значительные различия во взглядах на человека и мир, все античные философы в той или иной мере стремились понять, как надо вести себя людям, чтобы не нарушить общего порядка вещей и не причинить зла себе и окружающим, чтобы прожить счастливую и достойную жизнь. Идеальным возрастом для мыслителей античности была зрелость (соотносимая в пифагорейской периодизации возрастов с осенью), когда человеком достигается максимально возможная гармония сил и способностей. Согласно этой возрастной периодизации, максимальный расцвет человека приходится на возраст от 40 до 60 лет. Но следует подчеркнуть, что достижение зрелости характеризуется значительной гетерохронностью. Так, по мнению Аристотеля, тело достигает цветущей поры от тридцати до тридцати пяти лет, а душа – около сорока девяти. Таким образом, время телесной зрелости не полностью совпадает со временем зрелости душевной. Лучшее, что есть в душе, – это ум, а ум созревает поздно, отставая от тела с его желаниями, страстями, способностью к удовольствиям. Разум становится зрелым, когда тело и эмоциональная жизнь начинают «клониться к закату». Зрелость в известном смысле смещается к старости, и лучший возраст – как для Платона, так и для Аристотеля – это время, когда тело еще сохраняет полноту сил (хотя и начинает ослабевать), а разум достигает совершенной зрелости (это возраст от 50 до 60–65 лет). И если Платон, убежденный сторонник геронтократии, считавший, что править государством должны пожилые и старые философы, склонен был отождествить зрелость со старостью, то мнение Аристотеля о старости было более сложным [Платон, 1994; Аристотель, 2000; Рыбакова, 2006; Печатнова, 2014]. Он обращал внимание на то, что с определенного момента телесные изменения в человеке наносят ущерб его душевной зрелости. В частности, Аристотель считал, что у стариков слишком много опыта (поэтому они чересчур осторожны, живут прошлым, благоразумны и трусливы); старики ориентируются на пользу, а не на красоту, они малодушны, умеренны в желаниях, ворчливы; великие дела и мысли их не увлекают, они пребывают в заботах о насущном [Аристотель, 2000]. Именно Аристотель высказывал идею о том, что болезнь есть приобретенная старость, а старость – естественная болезнь [Давыдовский, 1966].

Крайне интересным с точки зрения отношения к старости является знаменитый трактат Марка Туллия Цицерона, написанный им на склоне лет, незадолго до смерти [Цицерон, 1975]. В трактате «О старости» он оживленно полемизирует с общепринятыми представлениями о недостатках, присущих этому возрасту. По мнению Цицерона, этих недостатков четыре. Он пишет: «И действительно, всякий раз, когда я обнимаю умом причины, почему старость может показаться жалкой, то нахожу их четыре: первая – в том, что она будто бы препятствует деятельности; вторая – в том, что она будто бы ослабляет тело; третья – в том, что она будто бы лишает нас чуть ли не всех наслаждений; четвертая – в том, что она будто бы приближает нас к смерти» [Цицерон, 1975, с. 11]. И далее Цицерон последовательно, опираясь на исторические примеры и личный опыт, выдвигает логичные и

остроумные аргументы против этих воззрений. «Те, кто отказывает старости в возможности участвовать в делах, не приводят никаких доказательств и подобны людям, по словам которых кормчий ничего не делает во время плавания, между тем как одни моряки взбираются на мачты, другие спуют между скамьями, третьи вычерпывают воду из трюма, а он, держа кормило, спокойно сидит на корме. Он не делает того, что делают молодые, но, право, делает нечто гораздо большее и лучшее; не силой мышц, не проворностью и не ловкостью тела вершатся великие дела, а мудростью, авторитетом, решениями, и старость обыкновенно не только не лишается этой способности, но даже укрепляется в ней» [Цицерон, 1975, с. 11]. Он пишет о том, что на склоне лет получил возможность более глубоко изучить греческую литературу, стал учиться играть на лире, усердно занялся литературным творчеством. Читая Цицерона, начинаешь понимать, что мысль о перемене ведущей деятельности на новом возрастном этапе первой пришла в голову отнюдь не психологам 2-й половины 20-го столетия! По поводу ослабления тела и (выражаясь современным языком) психических функций Цицерон справедливо замечает: «Но, скажут мне, память слабеет. Пожалуй, если ты не упражняешь ее и если ты и от природы несообразителен. Фемистокл помнил имена всех сограждан. Так неужели вы думаете, что у него, когда он состарился, вошло в привычку при встрече называть Аристиду Лисимахом? Да право же, я ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь старик позабыл, в каком месте он закопал клад; все то, что их заботит, они помнят: назначенные сроки явки в суд, имена должников или заимодавцев» [Цицерон, 1975, с. 12]. Столь же аргументированно высказывается он по поводу идеи о том, что старость лишает людей наслаждений, справедливо замечая, что некоторые виды наслаждения часто сопряжены с пороком, а об отказе от пороков не стоит жалеть. Кроме того, старость дарит новые наслаждения: досуг, возможность заняться земледелием, посвятить больше времени общению с друзьями и т.п. Говорит он и о философском отношении к смерти: «Если нам не суждено стать бессмертными, то для человека все-таки желательнее угаснуть в свое время; ведь природа устанавливает для жизни, как и для всего остального, меру; старость же – заключительная сцена жизни, подобная окончанию представления в театре. Утомления от нее мы должны избегать» [Цицерон, 1975, с. 30].

В «Нравственных письмах к Луцилию» другой римский философ – Луций Анней Сенека – также много удивительно поэтичных страниц посвящает размышлениям о старости, о ее смысле и ценности. «Что ж, встретим старость с распростертыми объятиями: ведь она полна наслаждений, если знать, как ею пользоваться. Плоды для нас вкуснее всего, когда они на исходе; дети красивей всего, когда кончается детство. Любителям выпить милее всего последняя чаша, от которой они идут ко дну, которая довершает опьянение. Всякое наслаждение свой самый отраднейший миг приберегает под конец. И возраст самый приятный тот, что идет под уклон, но еще не катится в пропасть. Ты возразишь мне: «Тягостно видеть смерть перед глазами». Но, во-первых, она должна быть перед глазами и у старика, и у юноши – ведь вызывают нас не по возрастному списку. Во-вторых, нет стариков столь дряхлых, чтобы им зазорно было надеяться на лишний день» [Сенека, 1986, с. 24–25]. Сегодня нас поражает смелость некоторых идей Сенеки, высказанных в письме ХСIII относительно ценности долгой жизни, которые во многом противоречат общепринятым взглядам наших современников. «Мы каждый день ругаем рок: почему того-то он унес посередине пути? почему не унесет такого-то, а продлевает его старость, тягостную и для него, и для других? Молю тебя, рассуди по справедливости: ты ли должен подчиняться природе, или природа тебе? Какая разница, скоро или нескоро уйдешь ты оттуда, откуда все равно придется уйти? Заботиться нужно не о том, чтобы жить долго, а о том, чтобы прожить довольно. Будешь ли ты жить долго, зависит от рока, будешь ли вдосталь, – от твоей души. Полная жизнь всегда долгая, а полна она, если душа сама для себя становится благом и сама получает власть над собою. Много ли радости прожить восемьдесят лет в праздности? Такой человек и не жил, а замешкался среди живых, и не поздно умер, а долго умирал. Прожил восемьдесят лет! Но дело-то в том, с какого дня его считать мертвым. А этот погиб во цвете лет! – Однако выполнил обязанности доброго гражданина, доброго друга, доброго сына и нигде ничего не упустил. Пусть век его неполон, зато жизнь полна. Прожил восемьдесят лет! Нет, восемьдесят лет просуществовал. Молю тебя, мой Луцилий, постарайся, чтобы жизнь наша, подобно драгоценностям, брала не величиной, а весом. Будем мерить ее делами, а не сроком» [Сенека, 1986, с. 261]. Отголоски этих идей возникнут спустя много столетий в эпоху Возрождения в творениях Данте, который в первый круг своего ада поместил ничтожных христиан (в то время как добродетельные и деятельные люди дохристианского мира удостоились чистилища) [Данте Алигьери, 1961]. Вспомним слова Вергилия в ответ на вопрос Данте: «И вождь в ответ: "То горестный удел тех жалких душ, что прожили, не зная ни славы, ни позора смертных дел. И с ними ангелов дурная стая, что, не восстав, была и не верна Всевышнему, средину соблюдая. Их свергло небо, не терпя пятна; и

пропасть Ада их не принимает, иначе возгордилась бы вина. И смертный час для них недостижим, и эта жизнь настолько нестерпима, что все другое было бы легче им. Их память на земле невоскресима; от них и суд, и милость отошли. Они не стоят слов: взгляни – и мимо"» [Данте Алигьери, 1961, с. 32–].

Таким образом, становится очевидным, что старость и старение в античной культуре на протяжении многих столетий являлись важным объектом для философских размышлений, что постепенно научные представления об этом периоде человеческой жизни и его отображение в произведениях искусства (например, в скульптуре) обогащались и усложнялись [Бритова и др., 1975]. Эта традиция характерна и для последующего развития европейской цивилизации.

Россия: особый путь

Что касается России, то здесь представления о старении и старости складывались в основном стихийно и, к сожалению, зачастую в пессимистическом ключе. Да иначе и быть не могло в стране, которая до середины 19-го столетия прекрасно обходилась без собственных философов (как светских, так и религиозных), а потребность в философских знаниях удовлетворяла в основном за счет книг французских, немецких, английских ученых. Печальная эмоциональная окраска восприятия старости отчетливо слышится даже в религиозных текстах. И не только в текстах, но и в их музыкальной интерпретации. Вспомним 70-й псалом, столь проникновенно положенный на музыку русским композитором второй половины 18-го века М.С.Березовским: «Не отвергни меня во время старости; когда будет оскудевать сила моя, не оставь меня, ибо враги мои говорят против меня, и подстерегающие душу мою советуются между собою, говоря: Бог оставил его; преследуйте и схватите его, ибо нет избавляющего. Боже! не удаляйся от меня; Боже мой! поспеши на помощь мне» [Библия, 1981, с. 601].

Более того, не только в восприятии обычных людей, но и ученых старость оценивалась скорее негативно. Наглядным примером тому является Илья Ильич Мечников (1845–1916), лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, который считал старость хроническим злом, не физиологическим явлением, а болезнью, которую следует лечить, как любую другую [Давыдовский, 1966]. Впрочем, следует подчеркнуть, что Мечников здесь был не одинок – большинство созданных в Европе в 20-м веке биологических и социальных теорий старения было ориентировано на поиск его патологических механизмов. Вслушаемся в названия этих теорий: радиационная теория, теория истощения жизненной энергии, теория изнашивания, теория растраты жизненной материи и энергии, теория эндогенной интоксикации, теории органной патологии (связывающие старение с нарушениями в работе васкулярной, нервной, эндокринной систем или с патоморфозом соединительной ткани), теория отчуждения (разобщения) [Давыдовский, 1966; Краснова, Лидерс, 2002]. Согласитесь, что этот перечень звучит весьма печально.

Пессимизм в восприятии старости часто сочетался (и, может быть, сочетается и сегодня) в умах наших соотечественников с болезненной реакцией на любую критическую или ироничную позицию по отношению к ней. Вспомним слова госпожи Хлестовой, свояченицы Фамусова из 3-го действия «Горя от ума» по поводу поведения Чацкого: «Ну? а что нашел смешного? Чему он рад? Какой тут смех? Над старостью смеяться грех» [Грибоедов, 1956, с. 92]. Заметим, что такое отношение отнюдь не характерно для античной традиции и последующего развития европейской культуры, в которых «смеховой» элемент занимал очень значимое место [Греческая эпиграмма, 1960; Эразм Роттердамский, 1960; Вийон, 1963; Сакс, 1959]. Вспомним краткую и изящную эпиграмму Менекрата: «Старость желанна, пока ее нет, а придет, порицают. Каждому лучше всегда то, что еще не пришло» [Греческая эпиграмма, 1960, с. 344]. Эразм Роттердамский в своей знаменитой «Похвале глупости» пишет целые главы под названием «Родство Глупости с детством и старостью» и «Глупость продлевает юность и отгоняет старость» [Эразм Роттердамский, 1960, с. 17–19, 20–21]. Франсуа Вийон сочиняет печальные и ироничные стихи («Баллада о дамах былых времен», «Баллада о сеньорах былых времен», «Баллада на старофранцузском») о неборимой власти времени и горестях старости [Вийон, 1963, с. 77–84]. Ганс Сакс создает шванк (небольшой юмористический рассказ в стихах) «О том, как черт женился на старухе» [Сакс, 1959, с. 192–195].

Хотелось бы подчеркнуть три момента, которые представляются важными. Во-первых, объектом

иронии, насмешки в упомянутых (и многих других) случаях является не старость как таковая и не люди преклонных лет, а свойственные некоторым из них недостатки и пороки. Искусство (конечно, не только литература, но и живопись), таким образом, подчеркивает сомнительность определенных моделей поведения и заставляет задуматься о том, как их можно избежать. Во-вторых, ирония и насмешка всегда (от Античности до наших дней) звучали в отношении самых разных возрастов, профессий, социальных ролей. В-третьих, в русской культуре также очень отчетливо слышались «смеховые» нотки: вспомним хотя бы истории о трех мудрецах, о старике и дамах, об особе, скрывающей свой возраст, из знаменитого «Письмовника» Николая Курганова, которыми зачитывались россияне на рубеже 18–19-го веков и которыми так восхищался А.С.Пушкин [Курганов, 1976]. Не забудем и о том, что великая русская литература 19-го столетия в произведениях А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева и других писателей и поэтов дала миру удивительные по психологической достоверности образы старости и старых людей (комические, трагические, комические и трагические одновременно). Более того, она продемонстрировала возможность выражения поэтическим языком глубокого и сурового самоанализа стареющего человека. Конечно, я имею в виду стихотворение Ф.И. Тютчева 1866 года (поэту было тогда 63 года) [Тютчев, 1957, с. 255].

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять,
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать,

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознания,
Что нас поток уж не несет,
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, –
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Заключение

Современные психологические исследования культурно-исторических факторов, влияющих на отношение общества к старости и старению, на стереотипы старения, а также на самовосприятие и самоидентичность пожилых и старых людей, крайне разнообразны. В них акцентируется внимание на различиях между Востоком и Западом, на гендерных и кросс-культурных различиях, на роли глобализации в формировании нового образа старости и старения [Стюарт-Гамильтон, 2010]. Но не будем забывать, что цель любой науки – не только поиск, нахождение и описание новых фактов в той или иной области знания. Фактически уже несколько десятилетий перед российской геронтологией и психологией, перед нашими мыслящими соотечественниками и современниками стоит весьма непростая задача: формирование новой, прогрессивной психологической культуры старения. Эту задачу очень сложно реализовать в стране, где представления о старости и старении в течение многих столетий складывались стихийно, где осмысление феноменов и закономерностей старения с научных (философских, биологических, психологических) позиций имеет очень небольшую, хотя и достойную историю. Кроме того, не будем забывать, что сегодня (несмотря на впечатляющие успехи медицины) многие люди пессимистически и даже фаталистически относятся к старости. Они не особо склонны к

рефлексии по поводу собственной жизни и личности, озабочены скорее материальным благополучием и соматическим здоровьем, чем когнитивным развитием, считают ухудшение памяти и других психических функций облигатным симптомом нормального старения. Тем не менее необходимо ясно осознавать, что без решения этой задачи едва ли возможно поступательное развитие современного общества.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 16-06-00161 «Экзогенные и эндогенные факторы информационной социализации».

Литература

- Аристотель. [Aristotel] Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000.
- Берсеньева Е.Г. Русские пословицы и поговорки. М.: Центрполиграф, 2010.
- Библия. Окленд: Семейное радио, 1981.
- Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Римский скульптурный портрет. М.: Искусство, 1975.
- Введенская Л.А. (Сост.). Китайские пословицы, поговорки. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1959.
- Вийон Ф. [Villon F.] Стихи. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963.
- Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: АПН СССР, 1960.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- Греческая эпиграмма. Под ред. Ф.А. Петровского. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.
- Грибоедов А.С. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
- Давыдовский И.В. Геронтология. М.: Медицина, 1966.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Русский язык, 2000.
- Данте Алигьери. [Dante Alighieri] Божественная комедия. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.
- Конфуций. [Confucious] Суждения и беседы. СПб.: Кристалл, 2004.
- Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старения. М.: Академия, 2002.
- Кун Н.А. Легенды и мифы древней Греции. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1954.
- Курганов Н.Г. Краткие замысловатые повести из «Письмовника» профессора и кавалера Николая Курганова. М.: Художественная литература, 1976.
- Лао Цзы. [Lǎo Zǐ] Дао дэ цзин. М.: Азбука-Классика, 2014.
- Леви-Брюль Л. [Lévy-Bruhl L.] Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.

- Леви-Брюль Л. [Lévy-Bruhl L.] Первобытное мышление: Коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер. М.: Красанд, 2016.
- Мид М. [Mead M.] Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- Печатнова Л.Г. Спарганская геронтократия и «Законы» Платона. Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2014, 15(2), 74–84.
- Платон. [Platon] Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1994.
- Повесть о доме Тайра. М.: Художественная литература, 1982.
- Пу Сунлин. [Pú Sōnglíng] Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных. М.: Правда, 1988.
- Путь Будды. Священная Дхаммапада с иллюстрациями из Музея Рубина (Нью-Йорк). М.: ЭКСМО, 2014.
- Рыбакова Н.А. Проблема старости в европейской философии: от античности до современности. СПб.: Алетейя, 2006.
- Сакс Г. [Sachs H.] Избранное. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.
- Сто жемчужин китайской мудрости. М.: АСТ, 2007.
- Стюарт-Гамильтон Я. [Stuart-Hamilton Ian] Психология старения. СПб.: Питер, 2010.
- Ташева А.А. Проблема старости: социокультурный феномен. Психология зрелости и старения, 1998, No. 4, 75–87.
- Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
- Цао Сюэцинь. [Cao Xueqin] Сон в красном тереме. В 3 т. М.: Художественная литература, Ладомир, 1995.
- Цицерон М.Т. [Cicero M.T.] О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1975.
- Шахматов Н.Ф. Психическое старение: счастливое и болезненное. М.: Медицина, 1996.
- Эразм Роттердамский. [Erasmus Roterodamus] Похвала глупости. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.

Поступила в редакцию 11 апреля 2017 г. Дата публикации: 26 августа 2017 г.

[Сведения об авторе](#)

Балашова Елена Юрьевна. Кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; старший научный сотрудник, отдел медицинской психологии, Научный центр психического здоровья, Каширское шоссе, д. 34, 115522 Москва, Россия; старший научный сотрудник, лаборатория психологии личности, факультет психологии, Московский государственный областной университет, ул. Радио, д. 10А, 105005, Москва, Россия.
E-mail: elbalashova@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Балашова Е.Ю. Культурно-исторические детерминанты старения: прошлое и настоящее. Психологические исследования, 2017, 10(54), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Балашова Е.Ю. Культурно-исторические детерминанты старения: прошлое и настоящее // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1450-balashova54.html>

[К началу страницы >>](#)